

УКРАИНСКО-РУССКИЙ СУРЖИК ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН В ДЕТСКОЙ РЕЧИ?

Катерина Крутий
Ялта

В статье предложен анализ языкового феномена, который появляется в условиях русско-украинского билингвизма. Предложены пути решения проблемы появления суржика в детской речи.

Неоспоримой реалией языковой ситуации в Украине вот уже на протяжении нескольких веков является наличие массового украинско-русского двуязычия. Столь длительному сосуществованию на одной территории двух языков способствовал целый ряд политических, экономических, культурных и других исторических и социальных факторов.

Современная языковая ситуация в Украине характеризуется, в первую очередь, наличием неоднородных культурно-языковых регионов, что объясняется продолжительным периодом разрозненности этнических украинских земель и длительной русификацией их значительной части. Наиболее разнородным по языковому составу является Центр Украины. Тут в равной мере представлены носители как русского, так и украинского языка. В связи с этим в центральных районах взаимодействие языков всегда проявлялось с большей интенсивностью, чем в других регионах страны. Такая ситуация сохраняется и сегодня.

Восток Украины является специфическим в языковом отношении регионом. Одним из факторов, определяющих эту специфику, можно считать русско-украинский и украинско-русский билингвизм (первым в каждом случае является родной язык). Билингвизм (двуязычие) – это **свободное владение двумя языками одновременно**. Двуязычный человек способен попеременно использовать два языка, в зависимости от ситуации и от того, с кем он общается.

По данным ряда исследователей, билингвов в мире больше, чем монолингвов. Известно, что около 70 % населения земного шара в той или иной степени владеют двумя или более языками.

Массовый билингвизм – явление, принципиально отличное от индивидуального двуязычия. Билингв как личность является посредником между своей и чужой культурами. Когда же билингвизм становится массовым, или тотальным, он может размывать фундамент национальной культуры, способствовать исчезновению родного языка. Такой билингвизм, активируя процессы смешивания русской и украинской языковых норм на территории Украины, является одной из причин *интерференции в речи билингвов*.

Одно из интереснейших и нуждающихся в дальнейшем исследовании явлений, которые сопутствуют билингвизму, – это явление интерференции. «В результате взаимодействия, взаимовлияния структур и структурных

элементов двух основных компонентов билингвизма в процессе речевой деятельности билингвов возникает межъязыковая интерференция» [2, с. 28]. Вслед за У. Вайнрайхом и рядом других исследователей межъязыковая интерференция определяется как отклонения от норм обоих языков, встречающиеся в речи билингвов в результате того, что они владеют более чем одним языком, то есть в результате контакта двух языков в сознании говорящего [1]. Возникновение и степень проявления интерференции родного языка в речи билингва зависят от ряда как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Внутренним стимулирующим условием интерференции является семантическое опосредствование, отождествление плана содержания родного языка с неродным, в силу чего интерференция является результатом неполной коррекции плана содержания и, как следствие этого, плана выражения первичного родного языка при переходе на вторичный неродной. Таким образом, *интерференция является результатом неправильного программирования речевого высказывания, проявляющегося в речи на неродном языке.*

В исследованиях, посвященных межъязыковой интерференции, высказывается мнение о том, что чем меньше этническая дистанция (например: украинцы и русские, белорусы и русские), тем более существенными являются семантические различия между сравниваемыми лексемами, и наоборот, чем больше этническая дистанция, тем более значимыми являются совпадения.

Языковой контакт, имеющий место при взаимодействии близкородственных языков, непременно сопровождается интерференционными процессами. Иными словами, интерференция сильнее и опаснее там, где говорящие находятся в плену внешнего сходства форм и значений, а это в полной мере относится к сфере функционирования украинского и русского языков. Русско-украинская интерференция затрагивает все языковые уровни.

Межъязыковая интерференция является неизбежным результатом любого двуязычия, особенно же она актуальна для ситуации близкородственного двуязычия, что объясняется рядом факторов. В условиях взаимодействия близкородственных языков интерференция не влияет на результат коммуникации, не вызывает непонимания высказанной мысли. В связи с этим говорящий не задумывается над тем, единицы какого языка он использует в своей речи. Интерференция близкородственных языков является двусторонним процессом, т. е. взаимовлияние происходит как в *направлении родной → чужой язык*, так и *чужой → родной* [4; 9].

Принято считать, что взаимодействие языков приводит к их взаимообогащению, однако в случае с близкородственным двуязычием взаимодействие языков чаще всего приводит к негативным последствиям, что выражается не просто в интерференции, а, по определению украинского

лингвиста В. М. Манакина, в так называемой *суперинтерференции*, под которой понимается неосознанное смешение в речи различных языковых систем. Это явление характерно для языковых ситуаций в Украине и в Беларуси [8]. В Беларуси ситуация с языком значительно хуже, чем в Украине. Если при преобладании суржика в разговорной речи большинство его украинских носителей всё же худо-бедно владеют литературным украинским, то в Беларуси *трасянка* является основным языком общения. На литературном белорусском разговаривает не более 5-7 % белорусов, хотя на переписи почти половина населения указала, что их языком повседневного общения является белорусский, 80 % населения считает белорусский своим родным языком. Тема *трасянки* в белорусской культуре представлена слабее, чем в украинской – тема суржика.

Итак, остановимся подробнее на специфически украинском языковом явлении, как «суржик». *Суржик* (от названия *суржик* – «хлеб из муки смеси разных видов зерна, например, пшеницы и ржи») – недостаточно изученное языковое образование, включающее элементы украинского языка в соединении с русским, распространённое на части территории Украины, а также в соседствующих с ней областях России и Молдовы. Многочисленные варианты суржика изучаются и классифицируются лингвистами.

В современной лингвистике существует большое количество определений этого языкового феномена как научного, так и ненаучного характера. К последней категории определений относятся следующие характеристики суржика: гремучая смесь, хохляцкий диалект, искалеченный язык жителей украинских сёл, имперский диалект, украинско-русский гибрид, языковая болезнь, проявление национальной шизофрении, свидетельство духовно-интеллектуальной ущербности, высшая степень духовного плебейства и т. п. Подобные негативно-оценочные дефиниции суржика не представляют никакого научного интереса, но их наличие ярко демонстрирует отношение к этому явлению в Украине. В узком понимании термин «суржик» традиционно употребляется для обозначения украинской речи, подверженной влиянию русского языка.

По данным Киевского международного института социологии, на суржике общается от 11 до 18 % всего населения Украины (то есть 5,1–8,3 млн человек). На смеси русского и украинского говорят от 2,5 % в Западной Украине, до максимального показателя 21 % в областях Левобережной Украины; в южных и восточных регионах количество носителей суржика значительно превышает долю украиноязычного населения (на Юге говорят на суржике 12,4 %, на украинском – 5,2 %, на Востоке Украины используют суржик 9,6 %, а украинский – 3,7 %). По данным всеукраинского исследования, которое провел в 1998 году центр социологических исследований Киево-Могилянской академии, на суржике отвечали 15–16 % респондентов [15].

В то же время, общеизвестным является факт, что 31 декабря 1975 года президент Франции Валери Жискар д'Эстен подписал закон о защите французского языка от вторжения английского и любого другого языка, а

значит и чужой культуры [17]. К сожалению, от вторжения суржика одновременно в два языка (и русский, и украинский), защита очень слабая...

Политика тотальной дерусификации, проводившаяся в течение 20 лет на Украине, уже дала свои гнилые плоды, страну захлестнул суржик.

Итак, **16 % населения Украины думает на суржике.** «И это не просто много, это угроза национальной безопасности», – считает президент Украинской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (УАПРЯЛ), профессор Людмила Кудрявцева. Не владеющий ни русским, ни украинским языком человек не сделает карьеру, не достигнет успеха в общественной жизни. Такой человек просто ущербен. И число их в Украине множится [7]. По данным всё того же Киевского международного института социологии, для *34 % тех, кто получал образование в советское время, родным языком является украинский. А вот среди тех, кто учился в годы независимости, украинский родной только для 22 %.* Т.е. получается, что борьба с русским ударила и по украинскому языку, расширив сферу применения суржика.

Ненормированные заимствования из украинского языка в русскую устную и письменную речь становятся всё более заметными, суржик как лингвистический феномен всё ещё остаётся объектом исследования в основном украинистов. Это, прежде всего, работы К. Акикши, Р. Бесаги, Л. Биланюк, В. Демченко, Т. Кознарского, Т. Кузнецовой, Л. Масенко, А. Погрибного, В. Радчука, О. Рудой, А. Сербенской, Л. Ставицкой, М. Стрихи, В. Труба, М. Феллера, О. Шарварка, Н. Шумаровой и др.

Некоторые лингвисты считают его формой украинского просторечия [10; 12]. Однако В. Труб, в частности, оговаривает: «...Суржик выступает как «третий язык». Функционально он соотносится с украинским просторечием. При нормальных обстоятельствах украинское просторечие должно быть одной из подсистем украинского языка..., однако суржик не является такой подсистемой, поскольку в его состав входят элементы, которые не могут быть зарегистрированы ни в одном нормативном словаре украинского языка» [14]. По мнению Д. Дроздовского, суржик является субкодом, переходным между украинским и русским языками, «...что коррелирует с оппозицией *нормативное, серьёзное / ненормативное, смешное*, в сознании той части аудитории, прежде всего подростковой, которая некритично воспринимает телевизионные картинки, вызывает стойкую ассоциацию суржика с украинским языком вообще как языком «неправильным» по сравнению с «правильным» русским» [3].

В то же время М. Стриха определяет «суржику» как «промежуточный субязык, который выполняет роль переходного этапа в ассимиляционном процессе вытеснения украинского языка русским» [13, с. 637].

По мнению некоторых авторов, суржик вряд ли можно считать формой просторечия, прежде всего, потому, что он присутствует, к сожалению, в речи не только людей с недостаточным уровнем образования, но и в речи

педагогов, политиков, журналистов. Суржик можно услышать в устной речи как рядовых граждан, живущих в самых разных регионах Украины, так и высших государственных деятелей – президента, премьер-министра, председателя и депутатов Верховной Рады [5]. Суржик является результатом хаотического заполнения разрушенных звеньев структуры украинского языка (в сознании говорящего) элементами русского языка. Это касается тех, у кого родной язык – украинский. У носителей русского языка – обратная ситуация.

То, что это явление имеет не только лингвистическую, но и психологическую природу, подтверждают результаты опросов носителей «суржика» в разных регионах Украины. Те, кто говорит на «суржике» в Киеве, идентифицируют свою речь с украинским языком, в Донецкой же области информанты, которые общаются на «суржике», отождествляют его с русским языком [11].

Эти данные подчеркивают тот факт, что появление «суржика» обусловлено «наложением» в речи билингва норм родного языка на нормы второго. Так, дети старшего дошкольного возраста, родной язык которых украинский, произносят слова с русским акцентом (фонетический уровень): [халова] – [голова], [наха] – [нога]; русским словам приписываются несвойственные им значения, с детства усвоенные говорящим как значения сходных по звучанию и написанию украинских слов (лексический уровень): киврик – коврик (рус.), огурок – огурец, лидочка – лодочка; русские слова получают в речи билингва падежные окончания, являющиеся нормой в украинском языке и нарушением нормы в русском (морфологический уровень): пять огурков – пять огурцов.

При этом говорящий ребёнок не осознаёт, что говорит на суржике, ему кажется, что он говорит по-русски (если его родной язык украинский). Именно некритичное, необъективное восприятие собственной речи говорящим затрудняет искоренение интерференционных явлений и вызванных ими ошибок.

Уточним отдельные *специфические* черты в реализации некоторых гласных и согласных фонем в русском и украинском языках:

а) особенностью вокализма украинского языка (в сравнении с другими восточнославянскими языками) является то, что украинскому языку не присуще такое фонетическое явление, как аканье, то есть сближение артикуляции безударного [о] с артикуляцией [а] (например, русск. [ду'рнѣ] – укр. [ду'рно]);

б) в русских лексемах в I-м предударном слоге реализация фонемы <э> приближается к [иэ], в украинском же – к [ы] (ср.: русск. [м'иэжа'] – укр. [мэыжа']);

в) в украинском языке никогда не оглушаются звонкие согласные в абсолютном конце слова (ср.: русск. дуб [дуп] и укр. дуб [дуб], где фонема <б> реализуется в своем основном варианте);

г) фонемы <г> и <ч'> русского языка соответствуют фонемам <γ> и <ч> украинского языка, но украинская <γ> заднеязычная, фрикативная, а украинская <ч> – всегда твёрдая (ср.: русск. [гурт] – [γурт]; русск. [куч'а] – [куча]);

д) для русского языка характерно сочетание парных согласных с гласным переднего ряда [э] (исключения составляют отдельные заимствования), а в украинском языке обычной позицией для звука [э] является позиция после твёрдого согласного (ср.: русск. *гребля* [гр'эбл'ь] – укр. *гребля* [γрэбл'а]);

е) в украинском литературном языке согласные перед древнерусским **И** произносятся твёрдо, поэтому прилагательные с основой на **Г, К, Х** принадлежат в украинском языке к твёрдой разновидности склонения, а в русском – к смешанному типу склонения (ср.: укр. *дерзкий* [дэ'рзкый] и русск. *дерзкий* [д'э'рзк'ий], но [д'эрскъвь]).

Для фонетической интерференции характерно то, что старшие дошкольники, отмечая ошибки в речи товарищей, не замечают собственных, что приводит к их закреплению.

Интерферемами на лексическом уровне часто становятся простые заимствования из родного языка, что в значительной степени определяется бедным лексическим запасом конкретного билингва: *стулець, ступо* (вместо русского «стул»), *матросит дождь* (вместо «моросит дождь»), *кипяток* (вместо «кипяток»), *разбуватися* (вместо «разуватися»).

Многие специфически «украинские» слова, то есть те, которые принципиально отличают украинский язык от русского, имеют польское происхождение. Вот как выглядят на польском языке слова: *porcelana, cukierek, strawa, dziob, gwalt, hreczkociej, zaloba* и др.

Интерференция на морфологическом уровне в условиях украинско-русского билингвизма проявляется не так часто, как интерференционные явления на фонетическом и лексическом уровнях. Однако нарушения норм в речи детей, изучающих русский язык, являются очень стойкими и плохо поддаются корректировке.

Анализ результатов взаимодействия украинского и русского языков дает возможность выявить следующие общие тенденции: тенденция к замещению русских элементов украинскими; тенденция к утрате специфических русских форм, элементов и черт (в пользу форм, элементов и черт, схожих с украинскими аналогами и имеющихся в русском языке); тенденция к контаминации, образованию гибридных форм; тенденция к неразличению равнозначных элементов русского и украинского языков и, следовательно, их параллелизм.

По нашему мнению, важно не только установить конкретные виды ошибок и способы их устранения в речи детей и взрослых, но и выявить общие закономерности проявления интерференции при контакте украинского и русского языков и предложить соответствующие методические рекомендации.

Литература

1. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие (Новое в лингвистике) / *У. Вайнрайх.* – М., 1972. – Вып. 6. Языковые контакты. – С. 25–60.
2. *Дешериев Ю. Д.* Основные тенденции функционирования и развития национально-русского двуязычия / *Ю. Д. Дешериев* // РЯвНШ. – 1978. – № 2. – С. 26–32.
3. *Дроздовський Д.* Між мовою і язиком: колообіг одвічних проблем [Електронний ресурс] / *Д. Дроздовський* // Режим доступа : <http://slovoprosvity.org/2011/02/22>
4. *Дронов В. В.* «Суржик» как форма существования русско-украинского языка / *В. В. Дронов, Ю. В. Ковалев* // Вестник РУДН, сер. Русский язык нефилологам. Теория и практика. – М., 2006. – № 7. – С. 149–155.
5. *Ковалёв В. И.* Суржик и актуальные проблемы коммуникативной культуры / *В. И. Ковалёв* // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – 2011. – № 15 (226), Ч. II. – С. 20–25.
6. *Кудрявцева Л. А.* О новом русском просторечии и его месте в системе национального языка / *Л. А. Кудрявцева* // Русский язык, литература, культура в школе и вузе / ред. Л. А. Кудрявцева. – К., 2005. – № 1. – С. 42–47.
7. *Кудрявцева Л. А.* Функционирование русского языка в украинской языковой среде / *Л. А. Кудрявцева* // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. – М., 2003. – № 3.
8. *Манакин В. М.* Конвергентные образования – проблема интерференции в условиях близкородственного двуязычия / *В. М. Манакин* // Проблеми міжпредметних зв'язків в умовах білінгвізму. – Дрогобич, 1990. – С. 80–82.
9. *Мельков А.* Проблема двуязычия на Украине: историко-филологический аспект / *А. Мельков* // Политический класс. – Апрель, 2006. – № 4 (16). – С. 45–48.
10. *Ставицька Л.* Короткий словник жаргонної лексики української мови / *Л. Ставицька* // Мовознавство. – 2004. – № 2-3. – С. 92–94.
11. *Ставицька Л.* Слово про мову : [жаргонний лексикон] / *Л. Ставицька* // Дивослово. – 2003. – № 1. – С. 20–23.
12. *Ставицька Л.* Суржик: міф, мова, комунікація / *Леся Ставицька, Володимир Труб* // Українсько-російська двомовність. Лінгвосоціологічні аспекти : зб. наук. пр. / за заг. ред. Л. Ставицької ; Ін-т укр. мови НАН України. Відділ соціолінгвістики. – К. : ПУЛЬСАРИ, 2007. – С. 31–120.
13. *Стріха М.* Суржик та літературна мова / *М. Стріха* // Нариси української популярної культури. – К., 1998. – С. 637–640.
14. *Труб В. М.* Явище «суржику» як форма просторіччя в ситуації двомовності / *В. М. Труб* // Мовознавство. – 2000. – № 1. – С. 46–58.

15. Хмелько В. Є. Лінгво-етнічна структура України [Електронний ресурс] / В. Є. Хмелько. – Режим доступа : http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/NaUKMA/Soc/2004_32/01_khmelko_vye.pdf
16. Флаер М. Суржик: правила утворення безладу / М. Флаер // Критика. – 2000. – № 6. – С. 34–38.
17. *Renée Balibar. L'Institution du francais. Essai sur le colinguisme des Carolingiens a la Republique / Renée Balibar. – Paris : PUF, 1985. – 243 p.*

In this article offers an analysis of linguistic phenomena, which appears in the Russian-Ukrainian bilingualism. The ways of solving the problem appears surzhik in children's speech.